

К. Е. Петров

ТЕРРИТОРИЯ И НЕФТЬ: К ВОПРОСУ О ЛЕГИТИМНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: естественное государство, легитимность, власть, элита, население

Структура власти и особенно процесс принятия ключевых политических решений в России традиционно представляются чрезвычайно сложными как для научного анализа, так и для экспертного прогноза. Даже теории, описывающие длинные фазы социально-политических переходов, как, например, теория демократического транзита, оказываются абсолютно несостоятельными при попытках их применения к российской действительности. Найти терминологическую почву и описать вечно исчезающий предмет исследования — трудная задача.

Не слишком успешный опыт приложения концептов политической науки к отечественным реалиям, по-видимому, обусловлен тем, что эти концепты описывают современное западное государство и соответствующую ему организацию общества. В российском же случае объяснять и исследовать надо принципиально иные структуры. Возможно, именно поэтому одним из наиболее убедительных (хотя и демонизированных) объяснений российской власти является концепция «власть—собственность» Р.Пайпса¹ и, шире, неопатримониализм. Нельзя не отметить также культурологическую концепцию «Русской Власти» Ю.Пивоварова и А.Фурсова² и концепцию онтологической «соборности» русского общественного сознания В.Сергеева³. Примечательно, что все три концепции основаны на интерпретации широкого пласта исторической информации и в целом черпают свою объяснительную силу в русской истории.

В 2009 г. Д.Норт в книге «Насилие и социальные порядки», написанной в соавторстве с Дж.Уоллисом и Б.Вайнгастом⁴, выдвинул простую, но чрезвычайно плодотворную идею: методологически разделить логику институционального строительства в естественных государствах (natural states) и в обществах открытого доступа.

С точки зрения классика неоинституционализма, естественное государство решает проблему повсеместного распространения насилия путем образования мощной господствующей коалиции, члены которой обладают особыми привилегиями. Элиты соглашаются уважать привилегии друг друга, включая право собственности и допуск к определенным видам деятельности. Доступ к привилегиям зарезервирован исключительно за членами господствующей коалиции. Поддержка

¹ Пайнс 2001.

² Пивоваров, Фурсов 1997, 1999.

³ Бирюков, Сергеев 2004.

⁴ Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011.

ограничений создает для элит надежные стимулы сотрудничать, а не бороться между собой. В конечном итоге, заключает Норт, «политическая система естественного государства манипулирует экономической системой для создания ренты, которая затем обеспечивает политический порядок». Этот устойчивый порядок воспроизводится на протяжении тысячелетий, поскольку «помогает в интересах влиятельных индивидов формировать господствующую коалицию таким образом, чтобы ограничить насилие и сделать возможными устойчивые социальные взаимодействия»⁵.

⁵ Там же: 56.

Как справедливо отмечается в статье В.Сергеева и Е.Алексеевской, посвященной пределам открытости приватной сферы власти, «опыт XX века показал, что возможность реализации идеи создания прозрачного либерально-демократического государства оказывается значительно ограниченной прежде всего потому, что такое государство не является первичной, а следовательно, наиболее естественной формой властвования»⁶, к каковым, несомненно, можно отнести формы социальной организации, присущие естественному государству Норта. При расширении же временных рамок обнаруживается, что системы открытого доступа есть не более чем странная мутация общественных институтов, возраст которой от силы составляет два столетия.

⁶ Алексеевская, Сергеев 2008: 150.

Норт и его соавторы выделяют три минимально необходимых (пороговых) условия перехода от естественного государства с закрытым доступом (а в таких государствах, по их оценке, сейчас живет порядка 85% населения планеты) к системе открытого доступа, последствия утверждения которой так нравятся многим нашим соотечественникам, наблюдавшим ее на Западе, что называется, *in action*:

- 1) верховенство права для элит;
- 2) наличие бессрочно существующих организаций в общественной и частной сферах;
- 3) консолидированный контроль над вооруженными силами (или, шире, средствами насилия).

⁷ Трейзман, Шлейфер 2004.

⁸ Так, по сведениям агентства Блумберг, все 20 богатейших людей России, чье совокупное состояние превышает \$227 млрд., частично или полностью контролируют свои активы через компании, зарегистрированные за пределами России (подробнее см. <http://www.bloomberg.com/news/2013-05-01/russia-s-20-biggest-billionaires-keep-riches-from-putin.html>).

Если взглянуть на ситуацию в сегодняшней России с точки зрения указанных пороговых условий, то станет ясно, что российский случай не может анализироваться в соотнесении с западноевропейской моделью открытого доступа. Россию следует рассматривать как естественное государство, воспроизводящее институты, свойственные любому порядку закрытого доступа. Другими словами, Россия — нормальная страна, но не в том универсалистском смысле, в котором использовали это понятие в своей нашумевшей статье А.Шлейфер и Д.Трейзман⁷, а в смысле принадлежности к «доминирующему классу» государств.

Пороговое условие №1 не соблюдается. Капиталы и управляющие компании крупных промышленных предприятий за редким исключением находятся в оффшорах⁸, значимые судебные иски подаются в иностранных государствах, использующих английскую систему права, наличие силового ресурса по-прежнему оказывает серьезное воздействие на разрешение споров хозяйствующих субъектов (так называемое

⁹ *О тонкой грани между бизнесом и криминальной активностью см. Волков 2005.*

¹⁰ *Готов полностью согласиться с Пивоваровым, который пишет: «Русская Власть и Система в целом блокируют то, что на Западе стало классовым оформлением общества и социальных отношений» (Пивоваров, Фурсов 1999: 185).*

¹¹ *О голландской Ост-Индской компании см. Бродель 2007: 220—228.*

¹² *С моей точки зрения, ближе всего к точке перехода Россия подошла в момент смещения Н.Хрущева с поста генерального секретаря ЦК КПСС.*

рейдерство⁹). Таким образом, можно резюмировать, что в России, как это всегда и происходит в естественных государствах, права и привилегии элитных групп динамически зависят от положения в господствующей коалиции. Утрата политического влияния оборачивается не только лишением доступа к распределяемым ресурсам, но и потерей собственности, а иногда и свободы.

Пороговое условие №2 не соблюдается. Партии номинальны и носят вождистский характер, могущественные государственные корпорации могут быть расформированы одним указом, реальные элитные фракции не институционализированы¹⁰. Более того, попытки институционализировать собственное влияние могут быть опасны, чему примером служит судьба М.Ходорковского, хотевшего получить для себя и своего нефтяного лобби блокирующий пакет в Государственной Думе четвертого созыва. Сектор некоммерческих организаций слаборазвит и зависит либо от государственного, либо от внешнего финансирования. Так, недавно правительством РФ был утвержден комплекс мер по поддержке социально-ориентированных НКО, бюджетные ассигнования которым увеличены с 4,8 млрд. рублей в 2012 г. до 8,3 млрд. рублей в 2013 г. Вместе с тем в 2012 г., вслед за принятием так называемого «закона об иностранных агентах», стартовала кампания по выдавливанию из общественного пространства корпуса «неудобных» НКО (назовем лишь «Голос» и «Мемориал»). Один из последних примеров активного участия государства в конструировании организаций, не вписывающихся ни в какие институциональные рамки, — планы по созданию Госкорпорации развития Сибири и Дальнего Востока, которая по своим функциям аналогична голландской Ост-Индской компании, образованной в 1602 г. в целях монополизации торговли и управления заморскими колониями¹¹.

Пороговое условие №3 соблюдается лишь частично. Несмотря на то что контроль государства над средствами принуждения в России сейчас существенно выше, чем это было в 1990-е годы, регресс по сравнению с поздним СССР не преодолен. В частности, в стране сохраняются территории, где пока трудно говорить о государственной монополии на насилие (Северный Кавказ), а силовые структуры по-прежнему используются как значимый ресурс в экономической борьбе элитных фракций.

Таким образом, в настоящее время в России отсутствуют даже пороговые условия перехода к системе открытого доступа. Более того, траектория ее нынешнего развития заставляет усомниться в возможности их достижения в ближайшем будущем¹².

Представляется, что ключевым фактором, объясняющим сложность описания российской власти и механизмов ее легитимации, является фактическое отсутствие жесткой вертикальной структуры, управляемой одним человеком. На самом деле путинская «вертикаль власти» есть не более чем пропагандистский штамп. Российская власть — это конгломерат трудноразличаемых кланов, фракций, элитных групп,

которые вместе образуют каркас естественного государства, но при этом конкурируют друг с другом за доступ к ренте. Между тем, как показывает Норт, «систематическое создание ренты при помощи ограниченного доступа в естественном государстве — это не просто средство набить карманы членов господствующей коалиции; это также важнейшее средство контроля насилия»¹³.

¹³ Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 62.

¹⁴ Разумеется, Фуко не использовал термин «естественные государства», однако логика его анализа досовременных (династических) государств в этом случае на удивление точно совпадает с неонституционалистской.

¹⁵ Фуко 2011.

Поднимаемая в данной статье проблема легитимности тесно связана с целями существования естественных государств. По заключению М.Фуко, для подобных государств¹⁴ эта цель чрезвычайно проста: «Цель суверенитета заключена в нем самом, средства ее достижения — это сам суверенитет, выступающий в форме законов»¹⁵. В таком случае и сакрализация суверенов, и установление «природных», «исторических» законов — просто иной способ сказать о непреложности сохранения власти в неизменном виде.

Во многом из-за необходимости постоянного поиска того, что могло бы заменить собой понятие господства, сугубо прикладной для современных наций-государств вопрос о легитимности политического устройства приобретает в условиях естественного государства необычайную остроту. Обеспечение устойчивой легитимности государственных институтов ложится на верховную власть. То есть, упрощенно говоря, если в нациях-государствах (или обществах открытого типа) институты сформированы для легитимации политической власти и социального порядка, то в естественных государствах политическая власть существует для легитимации (производных от нее) социальных институтов, в том числе и нелегальных — таких, как коррупция, блат и т.д. И поскольку для многих естественных государств проблему представляет даже их каждодневное поддержание в надлежащем виде, в моменты кризисов, к которым можно отнести и электоральные кампании, власть институтов падает катастрофически.

Широко распространенное в политической науке сведение государства к единому актору упрощает осмысление механизмов легитимации как важнейшей составляющей «общения» власти и общества в естественном государстве. К данному приему неоднократно прибегали Норт¹⁶ и другие известные авторы¹⁷. Подобная редукция облегчает применение классической логики М.Вебера при анализе процессов создания и поддержания легитимности. Единоличный правитель может быть традиционным, харизматическим или рационально-бюрократическим лидером, а может использовать для упрочения своей власти понемногу от каждого из перечисленных идеальных типов, как это обычно и происходит в современном политическом процессе.

Критики подобного «одноакторного» подхода к государству обращают внимание на то, что он «полностью упускает влияние внутренней динамики отношений между элитами в господствующей коалиции на взаимодействие государств с остальным обществом»¹⁸. В настоящей статье я не претендую на всеобъемлющий анализ внутреннего содержания таких межэлитных балансов, видя свою задачу в том, чтобы на примере

¹⁶ North 1981.

¹⁷ См., напр. Olson 1982; Wintrobe 1998; Tilly 1992.

¹⁸ Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 62.

России дать интерпретацию факторам, оказывающим существенное влияние на устойчивость власти в естественном государстве, и предложить более широкий взгляд на обстоятельства, которые в долгосрочной перспективе легитимируют политический порядок естественного государства.

Работы, направленные на изучение динамики межэлитных отношений в современной российской политике, разумеется, существуют. Одной из удачных попыток моделирования процесса принятия решений в условиях доминирования неформальных политических взаимодействий мне представляется концепция «Политбюро»¹⁹ 2.0», предложенная в экспертном докладе «Большое правительство Владимира Путина и „Политбюро 2.0“»²⁰, который вышел в августе 2012 г. Подобная форма коллективной власти квазиинституциональна с точки зрения современных западных национальных государств, но эффективна с точки зрения логики естественного государства. Теоретически явная персонализация институтов и превращение отдельных фигур в неустраняемые элементы управленческого механизма должны расшатывать государственное устройство. Но поскольку процесс властвования нацелен в первую очередь на поддержание сложившегося межкланового баланса, роль отдельных персон, входящих в «Политбюро 2.0», неизмеримо выше, чем институциональные очертания государственного устройства.

Для большей наглядности позволю себе привести иллюстративную модель орбит российской власти образца мая 2013 г., где в графической форме зафиксировано положение групп, входящих в господствующую коалицию, относительно центра системы власти в лице президента РФ и отражено биполярное напряжение между полюсами, сформировавшимися вокруг групп, расположенных в верхнем правом и верхнем левом углах (см. *рис. 1*). В основу данной модели положены выводы серии докладов о «Политбюро 2.0», базирующиеся, в свою очередь, на нескольких десятках экспертных интервью с представителями правящих элитных групп и анализе наиболее значимых связей, проявляющихся в публичном пространстве. Вместе с тем не следует забывать, что перед нами лишь верхушка айсберга.

Предлагаемый в данной статье методологический подход, как мне кажется, позволяет уменьшить разрыв между моделями описания политики, распространенными среди элитологов, и теми моделями, которые используются в сравнительной политологии. В нем учитываются сильные стороны и элитологии, изучающей сетевые комбинации и их влияние на политику, и сравнительной политологии, в большей степени ориентированной на исследование формальных институтов. Новый взгляд на естественное государство повышает значимость знаний, полученных в рамках элитологии, и одновременно дает возможность анализировать уникальные характеристики государства подобного типа в сравнении с аналогичными образованиями прошлого и настоящего.

Но вернемся к основной цели исследования. В настоящей статье я буду описывать естественное государство в России, аналитически

¹⁹ Социолог О. Крыштановская, считающаяся автором термина «Политбюро» применительно к режиму В. Путина, использует его лишь эпизодически, в качестве дополнительного определения, причем в ее ключевой работе «Анатомия российской элиты» этот термин по отношению к РФ не употребляется вовсе (см. Крыштановская 2005).

²⁰ Полный текст доклада см. http://www.minchenko.ru/analitika/analitika_27.html.

²¹ В отличие от Пивоварова, который пишет о метафизическом «системообразующем ядре Русской Власти» (см. Пивоваров, Фурсов 1999), я не вкладываю в понятие «ядро» метафизического смысла и использую его лишь как форму прикладной редукции государства до единого субъекта.

²² Используя термин «элита», введенный в научный оборот В.Парето, я опираюсь скорее на концепцию Г.Моска (см. Моска 1939), то есть не наделяю пред-

разделив последнее на центр/ядро²¹ и окружающую его систему клановых и элитных взаимодействий.

Среди практик господства в любом естественном государстве (см. рис. 2) особую роль играет сохранение легитимности ядра. Наиболее эффективной формой естественного государства вплоть до начала XX в. была абсолютная монархия, поэтому логично предположить, что идеальная «естественная» система отождествляет свое ядро с персоной конкретного правителя. Как представляется, такой взгляд дает возможность обойти важнейший недостаток «одноакторного» подхода к анализу государства, упускающего из виду фундаментальную проблему приобретения государством монополии на насилие, вместе с тем избавляя нас от необходимости описывать бесконечное разнообразие элитных конфигураций, сменяющих друг друга в российской истории.

Меня будет интересовать триада «ядро — элитные группы²² — население», и в первую очередь с точки зрения легитимации власти одних над другими. Не вызывает сомнений, что только достаточная легитимность ядра позволяет выстраивать сложную систему клановых противоречий, балансов и противовесов в конкретной исторической ситуации. При потере ядром легитимности вся текущая конструкция господству-

Рисунок 2 Цель и средства естественного государства

ставителей элиты какими-то особыми качествами, кроме политического господства.

²³ См., напр. Кордонский 2008.

²⁴ *Весьма примечательны в этом плане итоги телевизионного голосования по поводу российских исторических деятелей на шоу «Имя России». Первые места в нем уверенно заняли лидеры, максимально расширившие территорию государства (Екатерина II, Петр I, Сталин). Правда, окончательную победу в голосовании одержал Александр Невский, по видимому обязанный ей фильму С.Эйзенштейна, сделавшего князя символом защиты рубежей страны от внешних захватчиков: как будет показано ниже, в периоды, когда расширение границ затруднено, на авансцену выходит дискурс их защиты.*

²⁵ *Здесь напрашивается выходящее за рамки данной статьи сравнение с продвижением североамериканского фронта.*

²⁶ *Я сознательно редуцирую разницу между вотчинным и помещичьим землевладением, как пыталась ее редуцировать (и в конце концов преуспела в этом) царская власть.*

ющей коалиции «схлопывается» вне зависимости от предшествующей силы связей между ее элементами. *А наиболее простой способ потерять легитимность (а значит, и власть) в естественном государстве — проиграть войну.* Один из ярких примеров — поражение в Крымской войне, которое заставило преемника Николая I провести так долго откладывавшиеся реформы, другими словами, полностью перестроить систему во избежание реализации худших сценариев. Поражению в Японской войне обязаны своей легитимностью эсеры, «трудовики» и большевики, поражению в Афганистане — «нацмены» и реформаторы-демократы 1990-х годов. И поскольку военные поражения всегда делегитимировали ядро системы, можно заключить, что легитимность естественных государств так или иначе связана с победоносными войнами.

Окинув историю России широким взглядом, нетрудно заметить, что победа в большой войне способна обеспечить ядру свободу действий на десятки лет вперед. Правители-победители (Александр I, И.Сталин), как правило, легко избегали структурных перемен. Их власть, как можно предположить, прямо легитимировалась военными победами.

Изначальная цель военной победы для естественного государства — это расширение территории. С расширением территории (и так было на протяжении почти всей истории цивилизации) увеличивается тот ресурс, которым распоряжается ядро. Правильное распределение рентного ресурса решает задачу сохранения власти, ибо контроль над правящими элитами в естественном государстве организован по принципу «власть в обмен на привилегии»²³. Это означает, что чем больше успешных войн ведет естественное государство, тем более мощную господствующую коалицию оно может поддерживать. Иначе говоря, главный смысл расширения территории состоит в увеличении рентного ресурса, который власть может перераспределять, чтобы наращивать и укреплять господствующую коалицию, то есть легитимировать свою власть в глазах элиты.

Эффективность и значимость правителей России традиционно измеряются расширением территории. Это постулируется и/или подразумевается почти во всех учебниках истории и в массовом сознании²⁴. Но, по сути, расширение территории есть не более чем легитимирующий власть ядра способ контроля над элитами. Населению оно не приносит почти никаких выгод, за исключением, может быть, возможности экстенсивного роста в земледелии²⁵.

Однако даже в таких простых формулировках имеются нюансы. В условной фазе I (примерно до середины XVIII в.) элита русского государства была главным участником и выгодоприобретателем войн. Ее цель в целом совпадала с целью естественного государства. Более того, положение элит внутри государства прямо обуславливалось их функцией участия в войнах, в соответствии с которой и перераспределялся основной рентный ресурс — земля²⁶.

С наступлением эпохи Модерна и началом промышленной революции в соперничестве России с западными государствами наметилась неприятная тенденция. Ей приходилось сталкиваться с все более эффективными военными машинами сначала бюрократических абсолютных монархий (Карл XII), а затем и формирующихся наций-государств (Наполеон во время наполеоновских войн, Франция и Англия в Крымской войне и т.д.).

Уже после первых поражений от регулярных шведских войск Петр I приступил к радикальному реформированию основной функции государства. Через рекрутскую систему, а потом и спонтанно возникшую тактику тотальной войны на своей территории население империи было втянуто в достижение военных побед как неустрашимый элемент. Фаза II характеризуется все большей отчужденностью ядра от формальной элиты в лице потомственного дворянства, все большей включенностью населения в войны, вестимые империей. Медленно, но верно рекрутская система делегитимировала правящий класс дворян, которые по-прежнему получали ренту, но уже не вносили решающего вклада в расширение территории. Одним из побочных последствий новой тактики ведения войн стала их кровопролитность. При этом, как ни парадоксально, значимость ведения войн для поддержания порядка естественного государства увеличивалась. Чем более трагической для населения оказывалась в итоге победоносная война на своей территории, тем большую легитимность она приносила политическому руководству страны²⁷. Проигранные войны как факторы, делегитимирующие господство ядра, просто выбрасывались из политического дискурса.

В условиях более чем комфортного существования (монополия на владение землей, расширяющаяся территория плюс крепостное право и указы о «вольности дворянства») элиту естественного государства такое положение дел полностью устраивало. Утратив в условной фазе II собственное функциональное предназначение, элита в своей массе не пыталась обрести новую легитимность, то есть перейти к некоторой форме национального государства; напротив, она окончательно оформляется в качестве инструмента ядра, участвуя в реализации контроля над населением в обмен на возможность получения ренты со своего основного ресурса — земли.

Постепенно дворянство уступает свои привилегии более широкому слою — разночинному чиновничеству (бюрократии). В XIX в. господствующая коалиция российского государства численно расширилась, а ведь ее по-прежнему нужно было поддерживать с помощью рентной системы. Между тем ввиду возросшей эффективности военных машин западных держав и необходимости подавлять восстания на уже присоединенных землях дальнейшее расширение территории становилось все более затруднительным. Частично вопрос решался за счет сокращения объемов ренты для низших слоев господствующей коалиции, но гораздо большую роль в поддержании легитимности господства ядра среди элит играла ставка на постоянный рост экспорта хлеба. Хлеб как

²⁷ Катастрофическая по людским потерям Великая Отечественная война даже сейчас остается легитимирующим властью фактором.

производный от территории товар, создаваемый трудом крестьян, превратился во второй половине XIX столетия в краугольный камень всей финансово-экономической системы страны. «Недоедим, но вывезем» — этот «девиз», приписываемый министру финансов И. Вышнеградскому, отражал стремление ядра любой ценой обеспечить сохранение ресурсной базы господствующей коалиции.

Важным итогом развертывания фазы II и подрыва легитимности элит в глазах населения стал особый симбиоз ядра и населения²⁸. После войны 1812 г. предпринимается первая попытка рационально обозначить новую реальность с помощью идеологической триады «самодержавие — православие — народность». Рационализации подверглась традиционная легитимность, которая в силу каких-то причин больше не могла на 100% обеспечивать легитимность ядра. Отчетливо видно, что прослойка между царем и населением в лице дворянства идеологически не используется, теперь ее призвана заменить религия и Православная церковь²⁹. Особенно тщательно с помощью политического сыска подавлялись любые попытки создать фракции, соединяющие массу населения с группами, обладающими независимыми ресурсами. Несмотря на официально провозглашенную «народность», ядро продолжало жестко делить население на элиту и массу простых людей. В этом контексте крайне интересен сюжет об организации Николаем I атаки на староверов-капиталистов, описанный в книге «Грани русского раскола»: «После целой эпохи терпимого отношения старообрядчество вновь подверглось тотальному наступлению <...> Со второй половины 30-х годов XIX века постепенно, но неуклонно накладываются ограничения на деятельность крупных раскольничьих центров в Москве. <...> Правительство стремилось пресечь незаконную циркуляцию капитала и собственности староверов <...> подорвать тем самым экономические опоры старой веры»³⁰. В конечном счете царь заставил верхушку староверов-промышленников публично именоваться никонианами и передавать капиталы в наследство по гражданскому кодексу империи, а не по неформальному общинному порядку. Но отдаленные последствия решительной борьбы со староверами-промышленниками оказались трагическими для самого самодержавия. Разорвав неформальные связи между управляющими производствами и их работниками-единоверцами, Николай I (объявленный раскольниками — подобно Петру I — Антихристом) подготовил почву для роста социального неравенства, революции и краха самодержавной версии естественного государства.

Поразительно, но с крахом самодержавия модель эксплуатации населения для производства зерна на экспорт не только сохранилась, но и получила дальнейшее развитие. Закупка на Западе заводов и технологий для тяжелой индустрии³¹ (без которой нельзя было рассчитывать на военные победы) осуществлялась главным образом за счет экспорта зерна, производимого руками крестьян.

Последний значимый для российского естественного государства ресурсный переход имел место в XX в. при Л. Брежнев. После того как

²⁸ *Апофеозом этого процесса Пивоваров считает коммунистическую систему: «Коммунизм модифицировал Власть как главного субъекта русской истории, превратив его во Властепопуляцию» (Пивоваров, Фуросов 1999: 193).*

²⁹ *Трудности в этом процессе оказались гигантскими и непреодолимыми. В книге В. Пыжикова приводится анализ статистики, из которого можно заключить, что десятки миллионов староверов по умолчанию причислялись к православному (Пыжиков 2013: 34—35).*

Более того, всю историю России в XIX в. можно легко переписать в терминах борьбы между ядром и господствующей коалицией естественного государства и раскольническим капитализмом, создававшим альтернативную «ренту» посредством производителя труда и внедрения инноваций.

³⁰ *Пыжиков 2013: 187.*

³¹ *См. Революционные модернизации 2010.*

элита по канонам дворцовых переворотов XVIII в. сместила Хрущева с поста генерального секретаря ЦК КПСС, вопрос о поддержании легитимности ядра среди элит приобрел особую остроту, а реальных возможностей расширять территорию в условиях ядерного паритета с США не было. Мало того, в ситуации холодной войны «контроль» над новой территорией означал не доходы, а дополнительные расходы. Форсированный экспорт хлеба уже не мог исправить положение ввиду деградации сельского хозяйства под влиянием политики коллективизации, а также начала в странах Запада «зеленой революции». Выходом, если говорить кратко, стала ставка на производство нефти и последующий раздел получаемой ренты. В 1970-е годы советская версия естественного государства с правящей элитой в виде полностью подчиненной ядру номенклатуры казалась абсолютно стабильной, но несколько последовательных передач власти ослабили ее, а падение цен на нефть и неудачные военные действия в Афганистане окончательно добились легитимности ее ядра.

Важно отметить, что, в отличие от хлеба, новый экспортный товар уже не зависел от прилагаемого крестьянами к земле труда. Таким образом, добыча и экспорт энергоносителей полностью сняли, во-первых, необходимость военных побед для расширения рентного ресурса, а во-вторых, потребность в мощном эксплуатационном контроле над населением.

Однако «энергетическая сверхдержава» — крайне плохой легитимирующий конструкт во взаимодействии ядра и населения. Отчасти поэтому ядро и господствующая коалиция перешли в отношении населения к тактике, обычно используемой в естественных государствах лишь для контроля над элитой, то есть к передаче ренты в обмен на лояльность.

Для легитимации господства ядра был задействован также дискурс защиты священных рубежей. Не случайно в риторике Путина постоянно звучат отсылки к его спасительной роли в деле сохранения территориальной целостности страны в конце 1990-х — начале 2000-х годов. *В условиях неблагоприятной внешней конъюнктуры трансформация месседжа расширения территории в месседж обороны рубежей позволяет создать эрзац-легитимность, которая действует до очередного поражения или победы в войне.* К данному инструменту построения легитимности прибегали многие российские правители, временно оказавшиеся не в состоянии обеспечить расширение границ. В их числе можно упомянуть Николая I, стремившегося любой ценой сохранить Священный союз, а также Сталина с его доктриной осажденной крепости.

Применительно к рассматриваемому здесь сюжету существенно, что при переходе естественного государства к самолегитимации через оборону занятых рубежей, как правило, усиливается поляризация общества и одновременно сокращается поток ренты, направляемой на контроль над элитами. Первое приводит к борьбе с инакомыслием в тех

или иных формах, второе — к элитным войнам за сужающийся рентный ресурс. В конечном итоге на поддержку альтернативных стратегий среди элит просто не остается ресурсов. Господствующая коалиция стремится к трансформации в единую правящую иерархию, нацеленную на контроль над населением ради поддержания status quo в распределении ренты, а главной целью ядра и элитных групп, оставшихся на рентном поле, неизбежно становится сохранение и стабилизация существующей властной системы любой ценой.

Необходимо подчеркнуть, что представление о государстве как о самосохраняющемся субъекте в окружении врагов делает его цели чрезвычайно далекими от тех, что свойственны государствам Модерна, где, говоря словами Фуко, «цель управления составляют вещи, которыми оно руководит; она заключается в совершенствовании — посредством максимизации, интенсификации и т.п. — управляемых процессов, и инструментами управления выступают уже не законы, а разнообразные тактики»³².

³² Фуко 2011: 149—150.

Необходимость постоянных военных побед и расширения территории за счет более слабых государств для обретения легитимности — отчетливо антимодернистская черта естественного государства. Модерн, рожденный им национализм, а также интенсивное развитие, основанное на инновациях, напротив, требуют раз и навсегда определить границы нации, а затем обустроить внутри них социальный мир соответственно поддержанным ею (а в настоящее время и международным сообществом) принципам. Гибриды национализма и естественного государства, пытающиеся добиться национальной легитимации путем расширения границ (достаточно вспомнить империю Наполеона и Третий рейх Гитлера), контрпродуктивны и всегда самоубийственны.

Очевидно, что исторический рост мощи естественных государств, понимаемый как неуклонное расширение рентных ресурсов, не может быть бесконечным. Более того, ввиду ограниченности территории земного шара все естественные государства обречены на потерю эффективности и деградацию. Естественные государства — экспортеры природных ресурсов нашли, как им кажется, способ поддерживать устойчивость своих элитных коалиций, не прибегая к военным столкновениям. Однако для крупных естественных государств, к которым относится в том числе и Россия, этот путь является тупиковым, поскольку устойчивость политической системы оказывается в слишком сильной зависимости от конъюнктуры на внешних рынках. Переход к модели открытого доступа позволяет задействовать новое измерение эффективности — труд, базирующийся на постоянных инновациях, — и перестроить общественные институты таким образом, чтобы они стимулировали подобную социальную активность. Непрерывная гонка за элитным балансом и перераспределение имеющихся ресурсов ради его сохранения могут дорого обойтись в соревновании с обществами, которые смогли разорвать замкнутый круг политической необходимости рентного распределения в интересах господствующих коалиций.

Библиография

- Алексеевкова** Е.С., Сергеев В.М. 2008. Темный колодец власти (О границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // *Полис*. № 3.
- Бирюков** Н., Сергеев В. 2004. *Становление институтов представительной власти в современной России*. — М.
- Бродель** Ф. 2007. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 3: Время мира*. — М.
- Волков** В. 2005. *Силовое предпринимательство: Экономико-социологический анализ*. — М.
- Кордонский** С.Г. 2008. *Сословная структура постсоветской России*. — М.
- Крыштановская** О. 2005. *Анатомия российской элиты*. — М.
- Норт** Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. — М.
- Пайпс** Р. 2001. *Собственность и свобода*. — М.
- Пивоваров** Ю., Фурсов А. 1997. *Русская Система // Политическая наука*. №№ 2—3.
- Пивоваров** Ю., Фурсов А. 1999. *Русская Система и реформы // Pro et Contra*. № 4
- Пыжиков** В. 2013. *Грани русского раскола*. — М.
- Трейзман** Д., Шлейфер А. 2004. *Россия — нормальная страна // Россия в глобальной политике*. № 2.
- Фуко** М. 2011. *Безопасность, территория, население*. — СПб.
- Mosca** G. 1939. *The Ruling Class*. — N.Y., L.
- North** D. 1981. *Structure and Change in Economic History*. — N.Y.
- Olson** M. 1982. *The Rise and Decline of Nations*. — New Haven.
- Tilly** C. 1992. *Coercion, Capital, and European States: 1990—1992*. — Maiden.
- Wintrobe** R. 1998. *The Political Economy of Dictatorship*. — Cambridge.